

Кирдякин С.Ю., Шамкин Д.В.
МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ)

Великая Отечественная война не должна быть забыта не только для того, чтобы современная молодёжь стремилась сохранять мир, но, и понимала, что человек способен на многое в трудные периоды жизни, и никогда не теряла веру в себя. История войны пишется непросто, и чем дальше уходит время, тем спокойнее воспринимаются её жестокие события. Но задача историков, преподавателей и учителей добиваться, чтобы учащиеся, узнавая о трудностях четырёх лет Великой Отечественной войны, никогда не переставали волноваться.

Исследования учёных, хронико-документальные издания, учебники, энциклопедии рассказывают о подвигах, о потерях и победах. Записаны сотни рассказов ветеранов, в том числе и женщин-фронтовичек. Однако не так много известно о «повседневном», «домашнем» героизме населения, проживавшего на оккупированной территории и в советском тылу. Обращение к воспоминаниям людей, переживших тяготы войны, остаётся актуальным и необходимым. Источниками для написания статьи послужили воспоминания гомельчан, проживавших в годы Великой Отечественной войны в различных районах Гомельской области: Ахремчук Анна Герасимовна (1925 г.р., д. Первомайск Речицкого района); Бондаренко Мария Макаровна (1936 г.р., д. Первомайск Речицкого района); Рылушкина Нина Ивановна (1933 г.р., д. Кунтаровка Ветковского района); Шевцова Анастасия Егоровна (1933 г.р., д. Новосёлки Ветковского района); Шустов Иван Иванович (1932 г.р., д. Крупец Добрушского района). Воспоминания собраны авторами летом – осенью 2013 г.

Несмотря на то, что более 70 лет прошло с драматических событий начала войны, и многие очевидцы, были подростками и детьми, они хорошо помнят те огненные годы. Как утверждал Алесь Адамович, сила памяти эмоционально переживаемых событий такова, что не существует дистанции времени. «На войне детей не бывает». Кажется противоестественным сближение самих этих понятий. Дети периода войны должны были расстаться с детством – в обычном, мирном смысле этого слова [1, с. 309].

Представленные воспоминания носят отрывочный характер, в них отражаются самые яркие детские впечатления военных лет. Как писала С. Алексиевич, в таких рассказах мало собст-

венно военного и специального материала, но в них избыток материала человеческого, который приближал победу советского народа над фашизмом [2, с. 63].

Начало Великой Отечественной войны для многих советских граждан, особенно сельских, было неожиданным, узнавали о нём по-разному. Например, как вспоминает М.М. Бондаренко, «когда началась война 22 июня 1941 г. племянник отца, коммунист, работавший секретарём сельсовета в д. Комсомольск Речицкого района, сообщил о начале войны. Наша мама взяла нас, четырёх детей, и мы пошли в деревню Толстыки за р. Березину (в 15 км от нашей деревни), где жили её родители, «прятаться от войны», а там тоже война, и мы сразу вернулись домой». А.Е. Шевцова рассказывает, что «отца забрали на фронт на следующий день после начала войны, и через месяц он погиб под Рогачёвом. У мамы на руках осталось пятеро детей, самой младшей – Зине – 23 июня исполнился только год. Проходившие через деревню в конце июля 1941 г. немцы относились к мирному населению спокойно, забирали только скот, птицу и продукты питания». Н.И. Рылушкина добавляет, что «проходивших немцев было так много, что трудно было перебежать через улицу». Летом-осенью 1941 г., по воспоминаниям И.И. Шустова, «через Крупец ехали в сторону России немцы на лошадях с телегами, на которых везли продукты питания и оружие. Жителей деревни, наблюдавших за ними, немцы не трогали».

В период оккупации немецкие гарнизоны размещались не во всех сельских населённых пунктах: многое зависело от месторасположения, количества дворов в деревне и наличия в них хозяйственных объектов. Например, в деревне Новосёлки, вспоминает А.Е. Шевцова, стоял гарнизон. «Его солдаты размещались в двухэтажных кирпичных зданиях спиртзавода и конезавода. Среди солдат были немцы и выходцы из Западной Украины, которые были более жестокие. В деревню приезжали и каратели. Были всякие гитлеровцы. Наша семья проживала в небольшой хатке. Я и сестра Маня спали на лавке у окна и нередко мы просыпались в страхе от того, что немец постучит в окно, наставит на нас автомат и смеётся. Однажды гитлеровец дал маленькой Зине шоколадку, а затем приставил пистолет к головке, от чего она замерла от страха. Были среди немцев и молодые парни, которые приходили в хаты, где деревенские девушки и парни собирались вечером послушать музыку и потанцевать. В годы оккупации жители деревни болели тифом и малярией. В нашей семье все болели малярией, сопровождавшейся сильной лихорадкой. Лекарств не было. Лечились травами, а также тем, что в бочку наливали горячей воды и сидели в ней пока вода не остынет. Среди молодых людей деревни были такие, кто добровольно соглашался ехать в Германию. Старшую сестру Анну (1925 г.р.) тоже хотели отправить в Германию. Староста (бывший раскулаченный) приходил к маме и угрожал рассказать гитлеровцам о том, что наша семья скрывает старшую дочь (её переодевали старушкой), однако, он так и не выполнил своей угрозы, и Ане удалось избежать отправки в Германию».

М.М. Бондаренко рассказывает, что в их деревне, окружённой лесами, немцы не проживали, а располагались они недалеко в д. Узнож, и жители деревни продолжали свою обычную жизнь. «Когда началась война, наш отец не был призван в армию по возрасту, кроме того, он работал в леспромхозе в д. Озерщина и имел бронь. В июле 1942 г. у меня родилась сестра Тамара. Помню, как она училась ходить, когда мы уже прятались от немцев в лесу. У нас же было много партизан. Жили они в лесу, но часто по ночам приходили в деревню и забирали у людей вещи и продукты. Иногда продавали или обменивали эти вещи на продукты у других жителей деревни (потом люди выкупали свои вещи друг у друга). Весной 1943 г. за помощь партизанам немцы проводили карательные операции. Часть населения деревни убежала в сторону Березины, построили там шалаши и жили в лесу. Остальные жители бежали в сторону Узножа, где попали в облаву и были целыми семьями отправлены в Германию (после войны все они вернулись в деревню)». А.Г. Ахремчук добавляет, что когда они прятались в лесу «к ним приблизился немец. Видно дезертировал или отстал. По-русски он ничего не понимал, но всё время жестами показывал, что не хочет убивать. Но наши люди боялись, что он укажет место, где мы прячемся и мужики утопили его в Березине».

В воспоминаниях отмечается, что во всех деревнях были полицаи, и многие из них были такими же жестокими, как и фашисты. В д. Крупец, по словам И.И. Шустова, полицаи «гоняли местных жителей больше, чем немцы, грабили население, избивали людей, если они утаивали продукты и всё нужное для немцев». О жестокости полицаев говорит и М.М. Бондаренко: «В нашей деревне был староста Шкурат, который гонял людей на работы (чистить дорогу и др.). Он выдал Бондаренко Захара Филипповича, который был оставлен на подпольную работу

и держал связь с партизанами. Когда его связь с партизанами была раскрыта, ему приказали уйти в лес вместе с населением, расчищавшим дорогу от снега (зима 1942 г.). Шкурат вместе с двумя полицаями вывели З.Ф. Бондаренко из толпы, увезли в Шатилки и там его расстреляли. Позже партизаны повесили старосту ночью у него на огороде». По словам Н.И. Рылушкиной, «местные полицаи знали, что её отец был на фронте и, попав в 1941 г. под Орлом в плен, смог бежать и вернуться домой, но не выдали его немцам. Однако, когда полицаям стало известно, что жители д. Кунтаровка укрывают евреев, они донесли об этом немцам. Но их удалось спасти, переправив в другую деревню через болота, окружавшие деревню».

Особую жестокость и зверства, как отмечается во всех воспоминаниях, фашисты проявляли осенью 1943 г. При отступлении они сожгли деревни, и многие мирные жители, которые не успели убежать в лес, погибли. Например, А.Е. Шевцова и Н.И. Рылушкина отмечают, что «деревни Новосёлки и Кунтаровка Ветковского района гитлеровцы подожгли, жителей согнали и вели перед собой, прикрываясь ими от наступающих советских войск до посёлка Уваровичи. Кунтаровских пригнали на крахмальный завод, держали за колючей проволокой и готовили к отправке в Германию. Стариков, женщин и детей деревни Новосёлки загнали в болото и готовились расстрелять». Своевременная помощь партизан и подпольщиков предотвратила расстрел и отправку населения в Германию. Шустов И.И. рассказывает: «Когда немцы начали отступать, люди из Крупца и ближайших деревень ушли на карьеры (где ранее добывали торф, и болото заросло кустами). Прятались там, около месяца, пока прошли немцы. Вернулись в сожжённую деревню».

26 ноября был освобождён первый областной центр БССР город Гомель. Однако ожесточённая борьба за освобождение территории Гомельщины от немецко-фашистских захватчиков продолжалась. Долгое время люди боялись возвращаться в родные деревни. Как вспоминает М.М. Бондаренко, «когда нашу деревню освободили, и мы уже спокойно ходили по ней, вдруг услышали стрельбу. Некоторые выскочили из своих жилищ, побежали к лесу и попали под обстрел. Убили 4 человека, ранили мальчика и девушку. Оказалось при отступлении один немецкий танк отстал, прятался в лесу, а потом решил догонять своих. Ехал через нашу деревню и стрелял постоянно. Наши войска были ещё за 5–7 км от деревни». Н.И. Рылушкина отмечает, что немцы, отступая, оставили «опасные подарки». Жители, а чаще всего дети, находили куски мыла, ручки, которые были начинены взрывчатыми веществами.

После освобождения, остававшиеся в период оккупации мужчины, были призваны в действующую армию. Восстановление деревень легло на плечи стариков, женщин, детей и происходило в тяжёлых условиях голода, отсутствия нормальных бытовых условий для жизни. Однако люди старались помочь и поддержать друг друга. Например, в д. Кунтаровка, как рассказывает Н.И. Рылушкина, уцелело 6 домов, в которые и заселились жители большой ранее 220 дворов) деревни. В одном доме проживало по 30–40 человек». В деревне Новосёлки, по словам А.Е. Шевцовой, остались только три здания: спиртзавода, конезавода и школы. Все жилые дома были сожжены или разрушены. «От нашего дома осталась только крыша, под ней мы и жили всю зиму. Зима была тёплой. Мы собирали картошку, которую не успели убрать, ею и питались. На следующий год мы собрали брёвна и отстроили небольшую хатку».

О трудностях первых месяцев мирной жизни рассказывает М.М. Бондаренко: «Когда немцы отступили, мы вернулись из леса на пепелище. Построили себе «курени», некоторые выкопали землянки. Весной 1944 г. посеяли огород. Огороды вспахивали на себе. Впряжёмся по 8–9 человек в плуг и вспахиваем «несколько семей одному, потом другому». Коров жалели, те, на которых пахали, мало молока потом давали. Мы когда от немцев прятались, корову с собой в лес увели и сохранили её. Она была нашей кормилицей. Голодно было. Ходили за луговым луком, щавелем к реке Березине за 10 километров. Из гнилого картофеля пекли блины. Старшая сестра Анна (1926 г.р.) работала на лесозаготовках, получала паёк. Брат Павел собирал металл, который остался от стрельбы, и делал ложки, миски, которые менял у людей на продукты и одежду (кто, что даст). Недалеко от деревни работали на лесозаготовках много пленных немцев. Очень они боялись мороза. Закутают портянками голову, такими я их и запомнила».

Война живёт в душе переживших её людей воспоминаниями, которые они никогда не смогут забыть. Долг современного поколения дополнить летопись войны рассказами обычных людей, выживших в трудные годы Великой Отечественной войны, чтобы они не исчезли бесследно.

Литература

1. Линд, Е. Современники / Е. Линд // Дети военной поры / сост. Э. Максимов. – Москва: Политиздат, 1988. – С. 309–312.
2. Алексеевич, С. У войны не женское лицо / С. Алексеевич. – Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – 317 с.